

DOI 10.15393/j9.art.2015.3422

УДК 821.161.1.09"18"-31

Ольга Владимировна Захарова*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

ovzakh05@yandex.ru

БЫЛИНА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР (к постановке проблемы)*

Аннотация. Былина — русская эпическая песня о богатырях. Известны разные жанровые трансформации былин в фольклоре: прозаические пересказы (побывальщины), богатырские сказки, сказания о богатырях, лубочные сказки с сюжетами о подвигах богатырей и рыцарей. В начале XIX века русская литература активно осваивала былинные образы и мотивы: богатыри становятся персонажами повестей, литературных сказок, поэм, романов, опер. Ряд поэтов и писателей предприняли попытку создать былину как литературный жанр. Их жанровые поиски были творческим подражанием «Слову о полку Игореве», изданному в 1800 году, а в некоторых случаях «Сборнику Кириши Данилова» (1804). Одной из первых попыток является сочинение Г. Р. Державина «Добрыня, театральное представление с музыкою, в пяти действиях» (1804). Прославляя идею государства, поэт создает произведение, в котором действуют былинные и литературные герои, а сюжет заимствован не только из былин и сказок, но и из рыцарских романов. В поэме С. С. Андреева «Левсил, русский богатырь» (1807) герой не только является фольклорным (былинным и сказочным) персонажем, но и обладает литературным характером. Оригинальным жанровым экспериментом стал роман А. Ф. Вельтмана «Кощей бессмертный. Былина старого времени» (1833), в названии которого слово былина впервые использовано в литературном жанровом значении. Из сложного взаимодействия сказки, былины, древнерусской повести и жития рождается жанр пасхальной повести В. И. Даля «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской» (1836). Литературные трансформации фольклорного жанра были вызваны творческой потребностью авторов создать национально-исторический миф, угадать «баснословную» историю, вообразить то, что было в давние дописьменные времена.

Ключевые слова: русская литература, жанр, трансформация, былина, сказка, лубок, сюжет, богатырь, повесть, роман, поэма, драматическое представление

Былина — фольклорный жанр. Былины — русские эпические песни о богатырях. Они могут быть героического или социально-бытового содержания. Одним из первых

определение былины через отношение к сказке дал К. С. Аксаков в работе «О различии между сказками и песнями русскими: по поводу одной статьи»¹. Он впервые указал на их различие по форме презентации жанра: сказка — сказывается, а былина — поется. К. С. Аксаков отмечал, что «предмет песни или религиозный (стихи), или народный: народные события, историческая и бытовая жизнь; или частный: событие и чувство личное. Все это — быль. Певца и сочинителя в песне не слышно»². По мнению К. С. Аксакова, своеобразие былины состоит в том, что хотя в песнях «нельзя не признать чародейственного элемента, но он всегда на враждебной стороне, противен Русскому духу, и богатыри Русские не только не почерпают в нем сил, но постоянно ведут с ним бой, прибегая с молитвою к одному Богу...»³.

Подробное определение былины дал в свое время И. Лось. Он выделил такие жанровые признаки былины: «Былины являются эпическими песнями о русских богатырях; именно здесь мы находим воспроизведение общих, типических их свойств и историю их жизни, их подвиги и стремления, чувства и мысли. Каждая из этих песен говорит, главным образом, об одном эпизоде жизни одного богатыря и таким образом получается ряд песен отрывочного характера, группирующихся около главных представителей русского богатырства <...> Все былины, кроме единства описываемого предмета, характеризуются еще единством изложения: они проникнуты элементом чудесного, чувством свободы и (по мнению Ореста Миллера) духом общины»⁴. Внешнее же единство былины прежде всего И. Лось видел в стихе, слоге и языке⁵.

В. Я. Пропп выделил следующие признаки жанра:

«наиболее важным, решающим признаком эпоса является героический характер его содержания» [14, 5];

«он слагается из песен, которые предназначены не для чтения, а для музыкального исполнения» [14, 6];

«весь стихотворный фольклор всегда поется», стихотворная форма эпических песен тесно связана с напевом [14, 7].

К этим признакам можно добавить, что содержание былины имеет установку на достоверность, реальность. Сказитель всегда верит, что события, о которых поется в былине,

действительно имели место, и трактует их как историческое прошлое.

В фольклоре представлены разные жанровые трансформации былин: прозаические пересказы, богатырские сказки, сказания о богатырях и др. В записях XVIII — первой половины XIX веков сохранилось более сорока рукописных текстов, передающих десять былинных сюжетов. Среди них А. М. Астахова и В. В. Митрофанова выделяют следующие группы: записи былин, тексты «со значительным <...> разрушением стихотворного склада при переписке», «прозаические пересказы былинных сюжетов», тексты, содержащие «следы сознательной литературной обработки» [4, 14]. Эти неоднородные по-своему характеру тексты опубликованы в издании «Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков» под редакцией А. М. Астаховой, жанровым определением которых являются «повесть», «сказание», «история» («гистория»)⁶.

Рассматривая сказочные трансформации былины, А. М. Астахова указала на неоднородность прозаических рассказов о богатырях. Исследовательница выделила три типа: первый — побывальщина — «устные рассказы, в которых ощущается еще крепкая связь с былиной и по содержанию, и по стилю, хотя они и утратили не только напев, но и стихотворную структуру» [3, 3], второй — рассказы о богатырях, которые «сохраняют связь с былиной только в содержании сюжета в целом или в содержании отдельных его эпизодов <...> художественная структура, весь стиль полностью соответствуют жанру сказки» [3, 4], третий — «некоторые рассказы о богатырях близки к типу преданий и легенд» [3, 4] в иноязычном фольклоре. По мнению А. М. Астаховой, «грань между побывальщиной и сказкой иногда трудно уловима», так как «освобождение от стихотворной формы уже создает условия для переключения сюжета в художественную систему сказочного жанра» [3, 4], в результате чего они «теряли в известной мере свой строгий, величавый характер, отступали от “эпической историчности”, нередко растворялись в авантюрно-занимательном повествовании» [3, 115]. Используя былинный сюжет, сказка, как заметила исследовательница, «влечет за собой насыщение их чисто бытовыми

сценами», однако «полностью сказочная стихия былинные сюжеты не поглощала, не ассимилировала» [3, 115].

В последней трети XVIII века в России формируется лубочная сказка. Как отмечает К. Е. Корепова, основная форма лубочной сказки — «печатный текст»: «В этом отношении она литературна. Сказка жила в лубочных книжках и лубочных картинках» [7, 35]. Это были картинки с текстом и тексты с картинками. Позднее текст на лубочной картинке «разросся» и потеснил изображение», а «надпись стала развернутой» [7, 35]. Жанровыми атрибутами лубочной сказки К. Е. Корепова называет повествовательность, рассказ с целью развлечения, фантастическое содержание [7, 28–29]. В ней реализована установка «на условную достоверность, а отсюда определенный тип пространства и времени, тип имен» [7, 54]. Популярными лубочными сюжетами были сказки о богатырях и рыцарях.

В тезаурус современного русского языка слово былина вошло из «Слова о полку Игореве»⁶. Читатели и писатели поняли выражение «по былинам сего времени» как указание на известный, но забытый жанр.

На близость «Слова» эпической поэзии критики обратили внимание вскоре после публикации произведения⁷. Этому способствовала публикация в 1804 году «Сборника Кирши Данилова». В нем собраны произведения, жанр которых К. Калайдович в предисловии ко второму изданию называл то «древними русскими стихотворениями» (вариант: «российскими»), то «древними богатырскими песнями», то «былевыми песнями», то «сказками»⁸.

Русская литература XVIII–XIX веков часто обращалась к былинным героям и сюжетам. Они становились персонажами и мотивами повестей, литературных сказок, поэм, романов, опер. Наряду с богатырями те же роли в повествованиях играли рыцари из переводных произведений или вымышленные герои подражательных «рыцарских» сочинений. В литературе происходил двойной перевод: с одного языка на другой и адаптация литературного типа героя «чужой» культурой. Рыцарь становился богатырем, богатыри воспринимались рыцарями [11]. Таковы герои переводных

повестей Бова Королевич, Еруслан Лазаревич, герой сказки «Петр золотых ключей» и др. [1], [2], [6], [8], [9], [10], [12], [15].

Литературные трансформации жанра былины были вызваны попыткой создания национально-исторического мифа, угадать предание, создать «баснословную» историю, вообразить то, как это могло быть в досторическое время, когда не вели летописание, осмыслить то, что есть в русском и зарубежном фольклоре.

Одной из первых попыток создания пантеона русских языческих богов, как в греческой мифологии, стала поэма С. С. Андреева «Левсил, русский богатырь» (1807). Сюжет поэмы — сказочный. Поэт достаточно полно передает содержание сказки о молодильных яблоках. И. П. Лупанова отмечает, что «основная линия, по которой идет трансформация народно-поэтического текста», связана с образом бабы-яги: «...пересаженный в поэму из фольклорного источника сказочный образ преобразуется, приводясь в соответствие с “волшебно-рыцарским” штампом чулковско-левшинских сборников» [13, 40]. Другим источником «Левсила» исследовательница называет поэму Карамзина «Илья Муромец» [13, 40–41].

Герой поэмы С. С. Андреева — «странствующий рыцарь», «витязь». В былине богатырь совершает подвиги. В поэме они редуцированы. О них говорят, но они не показаны. Так, величая Левсила, баба-яга напоминает витязю:

Ты прошел леса дремучие;
Ты минул пески сыпучие;
Превозмог ты трудность гор крутых;
Победил в своем ты странствии,
И полканов, и змей огненных,
И русалок, усыпляющих
Своим сладким вредным пением⁹.

Традиционный былинный мотив — поединок между богатырем и богатыршей, но в поэме он заканчивается, не успев начаться: нагнав соперника, Царь-девица сражена стрелой Купидона:

Это мщением кипящая
Царь-девица в броне рыцарской

Настигает вероломного —
Чтоб разить, карать, губить его,
Чтобы душу низпослать мечем
В черный тартар одним замахом —
Миг — достигла! — вознесен удар —
«Стой! — в моем он покровительстве» —
И Царевна держит вздетую.
Это голос был бессмертный,
Лады вечно младо-ликой —
На золотом лазурном облаке
Ставшей между мщеньем дышащей
И смятенным, бледным Витязем...¹⁰

Как и в поэмах Гомера, события и поступки героев объясняются вмешательством языческих богов в дела людей.

Вместо богатырских подвигов Левсил претерпевает сказочные приключения: получает трудно исполнимую задачу — добыть молодильные яблоки для отца, достойно проходит все испытания, в которых обретает помощников и невесту. В сюжете поэмы на первый план выступают волшебные сказочные образы и мотивы: молодильные яблоки, добрая помощница баба-яга, спящая красавица Царь-девица, волшебный конь, ковер-самолет. Завершается поэма сказочно: свадьбой Левсила и Царь-девицы, двенадцати девиц и двенадцати витязей.

Левсил в поэме Андреева — литературный характер. И. П. Лупанова назвала его «рыцарем-меланхоликом» [13, 486]. Эта черта характера проявляется в рефлексии героя по разным поводам и сюжетным ситуациям поэмы. Их дополняют авторские отступления и примечания, которые являются атрибутом не былины или сказки, а другого жанра — поэмы.

Интересным эпизодом освоения фольклорных жанров является сочинение Г. Р. Державина «Добрыня, театральное представление с музыкою, в пяти действиях» (1804). На титульном листе экземпляра, принадлежавшего поэту, имеется запись, сделанная Е. Н. Львовой, по предположению Я. Грота, со слов Державина: «Все действия взяты частью из истории, частью из сказок и народных песней»¹¹.

Представляя оперу как жанр, Г. Р. Державин писал, что она «не есть изобретение одной Италии, как многие думают; но она в некоторых отношениях есть не что иное, как подражание древней греческой трагедии»¹². Указывая на значение чудесного и волшебного в опере, поэт отмечает, что сочинитель ее «смело уклоняется от естественного пути и даже совсем его выпускает из виду; ослепляет зрителей частыми переменами, разнообразием, великолепием и чудесностию приводит в удивление, не смотря на то, естественно или неестественно, вероятно или невероятно»¹³. Он писал: «По принятому издревле обыкновению, ради своей чудесности, Опера <...> почерпает свое содержание из языческой мифологии, древней и средней истории. Лица ее — боги, герои, рыцари, богатыри, феи, волшебники и волшебницы»¹⁴. По его мнению, опера «есть живое царство поэзии», «сокращение всего зримого мира», в ней «видишь пред собою волшебный, очаровательный мир, в котором взор объемлется блеском, слух гармонию, ум непонятностию, и всю сию чудесность видишь искусством сотворенну, а притом в уменьшительном виде, и человек познает тут все свое величие и владычество над вселенной»¹⁵.

В опере действуют былинные герои: князь Владимир, Добрыня (богатырь новгородский, сродник Владимира), Змей Горыныч = Змеулан Змеуланых = Тугарин Тугариных (царь и чародей болгарский), Тороп, и литературные: Прелепа (княжна изборская, невеста Владимирова), Добрада, жрецы, бояре, горожане и др.

Преимственность оперы и былины обнаруживается не только в выборе героев, но и в сюжете змееборства, который, в свою очередь, является контаминацией двух эпических сюжетов: «Добрыня и змей» и «Алеша и Тугарин». Как и в былине, действие в опере происходит в Киеве, но Державин создает образ языческого города. Впрочем, сюжет оперы Державина заимствован не только из былин, но и из рыцарских романов, в которых происходит испытание героев на «верность в любви и верность рыцарскому долгу-кодексу» [5]: в ней есть соперничество князя Владимира, Добрыни и Тугарина.

Державин предпринял попытку создания нового жанра. На основе разных жанров (былины, сказки и романа) он создает произведение, в котором влюбленные обретают счастье, зло наказано, прославляется идея государства.

Одним из первых слово *былина* в литературном значении употребил А. Ф. Вельтман в названии романа «Кощей бессмертный. Былина старого времени» (1833). Кроме заглавия, слово встречается в тексте произведения. Примечательно, что сначала оно переведено с *татарского* «наречия» и определяет татарскую быль XIII столетия «Гюльбухар». Отметим возникшую синонимичность в диалоге понятий *повесть* и *былина*. В ответ на просьбу вешуньи («не слюбна мне твоя повесть о Бир-Адаме, Расскажи другую, былину сего времени!») следует ответ: «...я не сказка буду говорил, а всякой **былина**, начинаесе по нашему богом, — отвечал Татарин своим наречием»¹⁶. Впрочем, остаются вопросы, как слово *былина* звучит на татарском языке? почему предание из Орды Урги названо былиной? Этот «сумбур Татарский» продолжил иерей Симон в главе «Кощей...»: «Почну вам былину, поведаю повесть смысленую, хвальную, древнюю правду»¹⁷. Свои предания есть у конюха Лазаря, с которым спорит автор: «Много хитрых и чудных вещей знает Лазарь, да не со сказки Лазаря моя **былина** писана»¹⁸. В причудливой фантазии А. Ф. Вельтмана смешаны богатырская сказка, эпическая песнь, пародийный роман, книжные и устные предания из русской, татарской и мировой истории. Очевидно, что здесь *былина* не фольклорный жанр, а предание, которое, несмотря на всю фантастичность, выдается за быль; слово могло бы стать литературным жанром, но его поэтический потенциал не получил развития в романе Вельтмана.

В 1836 году в «Северной пчеле» В. И. Даль опубликовал оригинальное сочинение «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской», название которого ставит проблему жанра: *былинный богатырь* стал героем сказки.

Сюжетом «Ильи Муромца» является чудесное исцеление и подвиги богатыря. Автор раскрывает эпическую биографию героя: освобождение Чернигова от татар, одоление Соловья-разбойника, освобождение Киева от Калин-царя,

Илья Муромец и разбойники, бой Ильи Муромца с сыном. В сказку включены два рассказа: рассказ о том, как перевелись на Руси богатыри, и рассказ о подвигах русских богатырей. Как и в былине, действие в повести Даля происходит во время правления князя Владимира, встречаются такие былинные мотивы, как заминка богатырского коня, встреча и поединок Ильи Муромца с детьми Соловья-разбойника, желание князя Владимира услышать свист Соловья-разбойника. К этим мотивам он добавляет новые: крещение разбойников, освобождение от Литвы и крещение Кинешмы, избавление Киева от «чудища пса-богатыря» Полкана Полкановича, заимствованное из лубочной сказки.

В «Сказке Руси богатырской» В. Даль разъясняет читателю концепции двух фольклорных жанров: «Говорится: сказка складка, а песня быль: песня быль, да одинокая, а сказка складка, сложена складчиною, да братчиною; песню поет запевало, сказку семь колен одним говором вслух начитывают; песня дорога́ напевом, а сказка правдою — песня ладом, а сказка складом живет!»¹⁹.

Даль следует литературной традиции: его сочинение ориентировано не только на сказку или былинку (старину), но и на «Слово о полку Игореве» и «Задонщину», заметно влияние житийной традиции. Оно проявляется в таких мотивах, как рождение героя от благочестивых родителей, испытание героя и его личная благочестивость, чудо исцеления происходит на Пасху, время его исцеления совпадает с прощением грехов деда Тимофея, старца Илариона. Примечательно, что ключевые события в «Сказке» Даля (исцеление и подвиги Ильи Муромца) совершаются в ночь на Пасху.

В. Даль создал произведение, жанр которого возникает в сложном взаимодействии сказки, былины, древнерусской повести и жития. Жанровая структура произведения включает в себя притчи, предание, историю образования поговорок. Объединяющим событием в повести является христианский хронотоп. Все основные события происходят в ночь на Пасху: рождение богатыря, его исцеление, освобождение Брянских и Брынских лесов, Кинешмы и Чернигова. В результате автор создал новую жанровую разновидность — пасхальную повесть.

Во второй половине XIX века в русской литературе была предпринята попытка создания былины как литературного жанра. В поисках нового национально-героического жанра писатели ориентировались на «Слово о полку Игореве» и «Сборник Кириши Данилова», но у каждого из них получались разные, непохожие друг на друга произведения: богатырские сказки, поэмы, повести, пасхальная повесть, роман. Оригинальную концепцию былины как литературного жанра в 1860-е годы предложил Ф. М. Достоевский, но его идея осталась в переписке с Ап. Майковым и не была реализована ни тем, ни другим. В целом попытка создания былины как литературного жанра имела «побочный» эффект — многообразии жанровых трансформаций.

Примечания

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 15-04-00366 а.

¹ Аксаков К. С. О различии между сказками и песнями русскими: по поводу одной статьи // Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1861. С. 399–408.

² Там же. С. 400.

³ Там же. С. 401–402.

⁴ Лось И. Былины // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 5. СПб., 1891. С. 142–143.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); изд. подгот. А. М. Астахова (отв. ред.), В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 320 с.

⁷ Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе (1800). М.: Сенатская типографія. С. 46.

⁸ См. работы: Цертелев Н. Д. Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений. СПб., 1820. С. 4, примеч. 2; Цертелев Н. Д. О произведениях древней русской поэзии // Сын Отечества. 1820. № 30. Ч. 63. С. 149–152; Полевой Н. А. История русского народа. М., 1830. Т. 2. С. 261–264; Т. 3. С. 108, 109, 112, 389–403; Буславев Ф. И. Русская поэзия XI и начала XII века // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Ник. Тихонравовым. М., 1859. Т. 1.

С. 3–31; Слово о полку Игореве / изд. для учащихся Н. Тихонравовым. М., 1866. 68 с.; Полевой Н. А. Рец. на кн.: Слово о полку Игореве / изд. для учащихся Н. Тихонравовым. М., 1866 // Журнал министерства народного просвещения. 1867. Февраль. С. 441–455.

⁹ Калайдович К. Предисловие // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1818. С. I–XXXVI.

¹⁰ Андреев С. С. Левсил, русский богатырь. СПб., 1808. С. 17.

¹¹ Там же. С. 38–39.

¹² Державин Г. Р. Добрыня // Державин Г. Р. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. СПб., 1867. С. 48.

¹³ Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии // Державин Г. Р. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. СПб., 1872. С. 598.

¹⁴ Там же. С. 603.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 601–602.

¹⁷ Вельтман А. Ф. Кощей Бессмертный. Былина старого времени // Вельтман А. Ф. Романы. М.: Современник, 1985. С. 66.

¹⁸ Там же. С. 123.

¹⁹ Там же. С. 170.

²⁰ Даль В. И. Илья Муромец. Сказка Руси богатырской // Повести, сказки и рассказы казака Луганского: в 4 ч. СПб.: Гутенбергова тип., 1846. Ч. 4. С. 68.

Список литературы

1. Алексеев М. П. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова» // Радищев. Статьи и материалы. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1950. — С. 158–213.
2. Астахова А. М. К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — [Т.] XIV. — С. 504–509.
3. Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 120 с.
4. Астахова А. М., Митрофанова В. В. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII веков // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 7–75.
5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — 504 с.

6. Гистер М. А. Образ Алеши Поповича в русской литературной сказке XVIII — начала XIX века // А. М. П.: Памяти А. М. Пескова. — М.: РГГУ, 2013. — С. 158–183.
7. Корепова К. Е. Русская лубочная сказка. — М.: ФОРУМ, 2012. — 464 с.
8. Костюхин Е. Древняя Русь в рыцарском ореоле // Приключения славянских витязей: из русской беллетристики XVIII века. — М.: Худож. лит., 1988. — С. 5–20.
9. Кузьмина В. Д. Сказка о Бове в обработке А. Н. Радищева // Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — С. 257–291.
10. Кузьмина В. Д. Французский рыцарский роман на Руси, Украине и Белоруссии: («Бова» и «Петр Златые Ключи») // Славянская филология. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 2. — С. 355–396.
11. Курышева Л. А. Повести о богатырях в «Русских сказках» В. А. Левшина: сказочно-историческая модель повествования. — Новосибирск: Наука, 2009. — 152 с.
12. Лотман Л. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки // Ученые записки ЛГУ. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1939. — № 33. Серия филологических наук. Вып. 2. — С. 134–147.
13. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. — Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. — 503 с.
14. Пропп В. Я. Русский героический эпос. — М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. — 603 с.
15. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. — СПб.: Тип. СПб. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1910. — Т. 1. — Вып. 2. XVIII-ый век. — 944 с.

Olga V. Zakharova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
ovzakh05@yandex.ru*

BYLINA AS A LITERARY GENRE

Abstract. The bylina is a Russian epic song about the bogatyrs. Different genre transformations of bylinas are known in folklore: prosaic narrations [*pobyval'shchiny*], bogatyr tales, legends about the bogatyrs, lubok tales about

the feats of the bogatyrs and knights. In the early 19th century, Russian literature was actively absorbing epic images and motives: the bogatyrs were turning into characters of novellas, literary tales, poems, novels, operas. Some poets and writers were attempting to develop the bylina as a literary genre. Their genre search was a creative imitation of *The Tale of Igor's Campaign* ["Slovo o polku Igoreve"] published in 1800 and in some cases of the Collection of Kirsha Danilov (1804). One of the first attempts was Gavrila R. Derzhavin's work *Dobrynya, Dramatic Musical Performance in Five Acts* ["Dobrynya, teatral'noe predstavlenie s muzykoyu, v pyati deystviyakh", 1804]. Glorifying the idea of the state, the poet composes a work where epic and literary characters act and the plot is derived not only from bylinas and tales, but also from chivalric novels. In Stepan S. Andreev's poem *Levsil, a Russian Bogatyr* ["Levsil, russkiy bogatyr", 1807] the hero is not only a folkloric (epic and fabulous) character, but also a literary one. Alexander F. Veltman's novel *Koshchei the Immortal. A Bylina of the Old Times* ["Koshchey bessmertnyy. Bylina starogo vremeni", 1833] was an ingenious genre experiment. The word 'bylina' was used in its title in the literary genre meaning for the first time ever. The genre of Easter novella *Ilya Muromets. A Tale from the Rus' of the Bogatyrs* ["Il'ya Muromets. Skazka Rusi bogatyrskiy", 1836] by Vladimir I. Dahl emerged from a complicated interaction of the tale, the bylina, the Old Russian novella and the hagiography. The literary transformations of folkloric genre stemmed from the authors' imaginative need to create a national and historical myth, conjecture the 'fabulous' history and imagine what happened in the old preliterate times.

Keywords: Russian literature, genre, Transformations, bylina, fairy tale, lubok, plot, bogatyr, povest', novel, poem, dramatic presentation

References

1. Alekseev M. P. K istolkovaniyu poemy A. N. Radishcheva «Bova» [To the interpretation of a poem by A. N. Radishcheva "Bova"]. *Radishchev. Stat'i i materialy* [Radishchev. Articles and materials]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1950, pp. 158–213.
2. Astakhova A. M. K voprosu ob otrazheniyakh v russkom bylinnom epose skazaniya o Eruslane [To the question about the reflections in the Russian epic epos tales of Yeruslan]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Moscow; Leningrad, Academy of sciences of the USSR Publ., 1958, [vol.] XIV, pp. 504–509.
3. Astakhova A. M. *Narodnye skazki o bogatyryakh russkogo eposa* [Folk tales about bogatyrs of Russian epic]. Moscow; Leningrad, Academy of sciences of the USSR Publ., 1962. 120 p.
4. Astakhova A. M., Mitrofanova V. V. Byliny i ikh pereskazy v rukopisyakh i izdaniyakh XVII–XVIII vekov [Bylinas and their retellings in manu-

- scripts and editions of the 17th–18th centuries]. *Byliny v zapisyakh i pere-skazakh XVII–XVIII vekov* [Bylinas in the Records and Retellings of the 17th–18th centuries]. Moscow; Leningrad, Academy of sciences of the USSR Publ., 1960, pp. 7–75.
5. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p.
  6. Gister M. A. *Obraz Aleshi Popovicha v russkoy literaturnoy skazke XVIII — nachala XIX veka* [The image of Alyosha Popovich in Russian literature the tale of 18th — early 19th century]. *A. M. P.: Pamyati A. M. Peskova* [A. M. P.: To The Memory of A. M. Peskov]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 158–183.
  7. Korepova K. E. *Russkaya lubochnaya skazka* [Russian lubok tale]. Moscow, Forum Publ., 2012. 464 p.
  8. Kostyukhin E. *Drevnyaya Rus' v rytsarskom oreole* [Ancient Rus in knight halo]. *Priklucheniya slavyanskikh vityazey: iz russkoy belletristiki XVIII veka* [The adventures of the Slavic knights: Russian fiction from the 18th century]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 5–20.
  9. Kuz'mina V. D. *Skazka o Bove v obrabotke A. N. Radishcheva* [The tale of Bova in the treatment of A. N. Radishchev]. *Problemy realizma v russkoy literaturnoy XVIII veka* [The problem of realism in Russian literature of the 18th century]. Moscow; Leningrad, Academy of sciences of the USSR Publ., 1940, pp. 257–291.
  10. Kuz'mina V. D. *Frantsuzkiy rytsarskiy roman na Rusi, Ukraine i Belorussii («Bova», «Petr Zlatye Klyuchi»)* [French romance novel in Russia, Ukraine and Belarus: “Bova” and “Peter the Golden Keys”]. *Slavyanskaya filologiya* [Slavic Philology]. Moscow, Academy of sciences of the USSR Publ., 1958, vol. 2, pp. 355–396.
  11. Kuryshva L. A. *Povesti o bogatyryakh v «Russkikh skazkakh» V. A. Levshina: skazочно-istoricheskaya model' povestvovaniya* [The tales of the heroes in “Russian fairy tales” by V. A. Levshin: the fairytale and historical model of the narrative]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009. 152 p.
  12. Lotman L. *«Bova» Radishcheva i traditsiya zhanra poemy-skazki* [Radishchev and the tradition of the genre of the poem-tale]. *Uchenye zapiski LGU* [Scientific notes of Leningrad state University]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1939, no. 33, issue. 2, pp. 134–147.
  13. Lupanova I. P. *Russkaya narodnaya skazka v tvorchestve pisateley pervoy poloviny XIX veka* [Russian folk tale in the works of writers of the first half of the 19th century]. Petrozavodsk, State publishing house of the Karelian ASSR, 1959. 503 p.

14. Propp V. *Russkiy geroicheskiy epos* [*Russian heroic epic*]. Moscow, State publishing house of fiction literature, 1958. 603 p.
15. Sipovskiy V. V. *Ocherki iz istorii russkogo romana* [*Essays from the history of the Russian novel*]. Saint-Petersburg, Printing and publishing partnerships "Trud", 1910, vol. 1, issue 2 (18th century). 944 p.

Дата поступления в редакцию: 15.03.2015